

ГОСИННИ

САМПЕ

Малыш Николя

путешествует

Масхаон

Рене Госинни
Малыш Николая путешествует
Серия «Малыш Николая»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25017174

*Малыш Николая путешествует : рассказы / Р. Госинни: Махаон,
Азбука-Аттикус; Москва; 2016
ISBN 978-5-389-13729-5*

Аннотация

Уже миллионы детей познакомились с малышом Николая – добрым, весёлым, озорным мальчуганом – и компанией его друзей, таких же неугомонных сорванцов. Все вместе они здорово проводят время – играют, ходят в кино, в гости друг к другу, иногда шалят и ссорятся, бывает, даже дерутся, а потом непременно мирятся. И каждый раз читатели с нетерпением ждут очередных историй о приключениях этой шумной ватаги. А кто ещё незнаком с Николаем и его друзьями, скорее открывайте книжку – вы обязательно подружитесь с ними!

Содержание

Мы собираемся в отпуск	5
Занять места!	14
Поездка в Испанию	24
Кроссворд	32
Следопыты	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Рене Госинни

Малыш Николая

путешествует

© 2004 IMAV éditions / Goscinny – Sempé

Художественные образы, сюжеты придуманы Рене Госинни и Жан-Жаком Сампе. Права на товарный знак сохранены за издательством IMAV.

© Левин В. Л., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Machaon®

* * *

Жильберту Госинни

Мы собираемся в отпуск

Мы собираемся в отпуск – мой папа, моя мама и я; и мы все очень рады.

Мы помогли маме навести в доме порядок. Теперь у нас всё в чехлах, и едим мы на кухне. Мама сказала:

– Надо доесть всё, что осталось.

Поэтому мы едим рагу. У нас осталось шесть банок, потому что папа не любит рагу; я до вчерашнего вечера любил рагу, но, когда оказалось, что осталось ещё две банки – одна на обед и одна на сегодняшней ужин, – мне захотелось плакать.

Сегодня мы будем собираться, потому что завтра утром мы поедem на поезде, а чтобы на него успеть, надо встать в шесть часов.

– На этот раз хорошо бы не брать с собой гору вещей, – сказала мама.

– Ты абсолютно права, дорогая, – сказал папа, – я не собираюсь тащить кучу плохо перевязанных свёртков. Возьмём три чемодана, не больше!

– Правильно, – сказала мама, – берём коричневый чемодан – он плохо закрывается, но мы его перевяжем, – потом большой синий и маленький – от тёти Эльвиры.

– Отлично! – сказал папа.

Я был рад, что все согласны друг с другом, потому что обычно в поездку мы тащим с собой огромную кучу всяких свёртков, и каждый раз какой-нибудь один с самым важным

забываем дома. Однажды мы забыли пакет с яйцами вкрутую и бананами, и это было ужасно, потому что мы не едим в вагоне-ресторане. Папа говорит, что там всегда подают одно и то же – говяжий лангет с печёной картошкой, поэтому мы туда не ходим и берём с собой яйца и бананы. Это вкусно, и со шкурками можно что-то придумать, хотя из-за них в купе вечно всякие истории.

Папа спустился в подвал за коричневым чемоданом, который плохо закрывается, за большим синим и за маленьким от тёти Эльвиры, а я поднялся к себе в комнату за своими вещами, которые мне будут нужны на отдыхе. Мне пришлось

ходить три раза, потому что в стенном шкафу, в комодe и под кроватью куча вещей. Я всё стащил в гостиную и стал ждать папу. Из подвала доносился грохот, а потом папа пришёл с чемоданами, весь чёрный и недовольный.

– Ну почему, спрашивается, чемоданы, которые нам нужны в дорогу, всегда завалены каким-то барахлом? Почему весь подвал засыпан углем? И почему разбита лампочка? – спросил папа и пошёл умываться.

Когда папа вернулся и увидел кучу вещей, которые я принёс, он очень рассердился.

– Это что ещё за хлам?! – закричал папа. – Не думаешь же ты, что мы возьмём с собой этого плюшевого медведя, эти машинки, эти футбольные мячи и этот конструктор?

Тогда я заплакал, и у папы глаза стали красными, и он сказал:

– Николя, ты прекрасно знаешь, что я этого не люблю. Сделай одолжение, прекрати эту комедию, или ты не поедешь на отдых.

И я стал плакать ещё сильнее, потому что это нечестно, ну правда!

– Я думаю, не стоит кричать на ребёнка! – сказала мама.

– Я буду кричать на ребёнка, если он не перестанет реветь, как стадо бешеных бегемотов! – сказал папа, и от бегемотов мне стало смешно.

– Не стоит срывать на ребёнке, – сказала мама очень спокойно.

– Я не срываюсь на ребёнке, я прошу ребёнка вести себя тише, – сказал папа.

– Ты невыносимый лицемер! – закричала мама. – И я не позволю делать из нашего ребёнка козла отпущения!

Тогда я снова заплакал.

– А сейчас-то в чём дело? Почему ты опять ревёшь? – спросила мама, и я ей объяснил, что это из-за того, что она кричала на папу.

Мама подняла руки и глаза вверх и ушла заниматься сво-

ими делами.

Мы с папой поспорили о том, что мне можно взять с собой. Я отдал ему медведя, оловянных солдатиков и наряд мушкетёра, а он согласился на два футбольных мяча, конструктор, планёр, экскаватор, ведёрко, поезд и ружьё. О велосипеде я ему скажу позже.

Папа ушёл к себе в комнату. Я услышал, что в комнате папы и мамы кричат, и пошёл посмотреть, не нужна ли моя помощь. Папа спрашивал маму, зачем она хочет взять покрывала и красную перину.

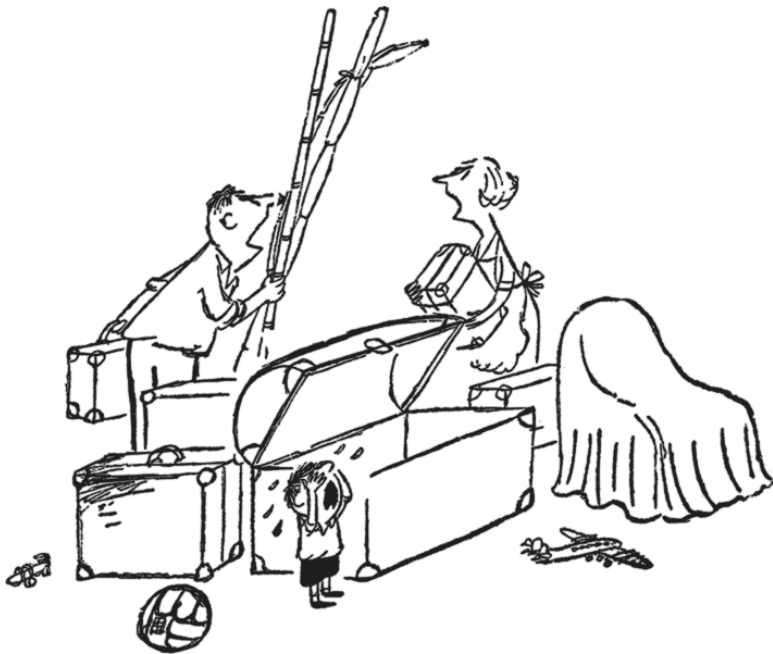
– Я уже говорила, что ночи в Бретани прохладные, – сказала мама.

– За те деньги, которые я им плачу, – ответил папа, – надеюсь, в отеле нам дадут покрывало. И потом, они же знают, какие у них там ночи.

– Возможно, – сказала мама, – но хотела бы я знать, куда мы засунем эту огромную удочку? Зачем она тебе?

– Чтобы ловить жаркое, которое мы будем есть на пляже, сидя на покрывалах, – ответил папа.

И они стали носить вещи в гостиную.

– Знаешь, – сказала мама, – может быть, для шерстяных вещей и покрывал, кроме коричневого чемодана, стоит взять тот кофр с одной застёжкой?

– Похоже, придётся, – согласился папа.

Он пошёл за кофром; шерстяные вещи туда влезли, но вот удочка, даже в разобранном виде, никуда не помещалась.

– Ничего, – сказал папа, – удочку я понесу отдельно, потом обернём её газетой. И раз уж мы берём кофр, можно обойтись без большого синего чемодана. Хватит корзинки.

В неё можно положить игрушки Николая и пляжные принадлежности.

– Точно, – сказала мама. – А еду для поезда положим в пакет или сумочку. Я думаю взять яйца вкрутую и бананы.

Папа сказал, что это хорошая идея и что он готов есть что угодно, лишь бы не рагу. Всё остальное положили в большой зелёный чемодан, где лежало старое папино пальто. А потом мама хлопнула себя по лбу и сказала, что забыла про два шезлонга для пляжа, а я хлопнул себя по лбу и сказал, что забыл про свой велосипед. Папа посмотрел на нас так, будто тоже хотел хлопнуть нас по чему-нибудь, но потом сказал: ладно, но раз уж так, он возьмёт корзинку для пикника. Мы согласились, и папа был рад.

И поскольку все со всеми согласились, я пошёл в гостиную помогать маме делать пакеты и свёртки, а папа понёс в подвал коричневый чемодан, который плохо закрывается, но его можно перевязать, а заодно большой синий и маленький от тёти Эльвиры.

Занять места!

На перроне закричали: «Просьба занять места! Осторожно, поезд отправляется!» Поезд сделал: ту-у-у-у-у, и я был страшно рад, потому что мы поехали в отпуск, а это классно! Всё прошло отлично. Мы встали в шесть часов, чтобы не

опоздать на поезд, потом папа пошёл ловить такси, но не поймал, и нам пришлось ехать на автобусе. Это было весело: у нас было полно чемоданов и свёртков, а в автобусе было полно народа, и мы сели в поезд, когда он уже отправлялся.

В тамбуре мы пересчитали вещи и не нашли всего одной – папиной удочки. Но она не потерялась. Мама вспомнила, что мы оставили её дома. Только вспомнила она, когда папа сказал контролёру, что на вокзале сплошные воры, что это позор и что мы ещё разберёмся с этим. Потом мы стали искать купе, в котором папа заказал места.

– Вот оно! – сказал папа, и мы прошли в купе по ногам старого господина, который сидел у двери и читал газету.

– Извините, месье! – сказал папа.

– Ничего, – сказал господин.

Но оказалось, что мест у окна, которые заказывал папа, не было, и папа рассердился.

– Я этого так не оставлю, – сказал папа.

Он попросил прощения у старого господина и вышел в коридор, чтобы найти контролёра.

– Я зарезервировал места у окна, – сказал папа.

– По всей видимости, нет, – сказал контролёр.

– Иными словами, я обманщик? – спросил папа.

– Не кипятитесь, – сказал контролёр.

Тогда я заплакал и сказал, что если я не буду сидеть у окна и смотреть на коров, то лучше сойду с поезда и вернусь домой!

– Николя, будь добр, сиди спокойно, если не хочешь получить по шее! – закричал папа.

Это было нечестно, и я стал плакать ещё сильнее, и мама дала мне банан и сказала, чтобы я сел напротив месье и смотрел в то окно, что в коридоре, и что, кстати, с той стороны коровы лучше. Папа хотел ещё поговорить с контролёром, но не смог, потому что контролёр уже ушёл.

Папа разложил вещи на сетке и сел рядом со старым господином, напротив мамы.

– Я бы что-нибудь съел, – сказал папа.

– Яйца в синей сумке, вон, над чемоданом, – сказала мама.

Папа встал на сиденье и снял сумку с яйцами.

– А где же соль? – спросил папа.

– Соль в коричневой сумке, под корзиной.

Папа подумал и сказал, что обойдётся без соли. Старый господин вздохнул из-за своей газеты.

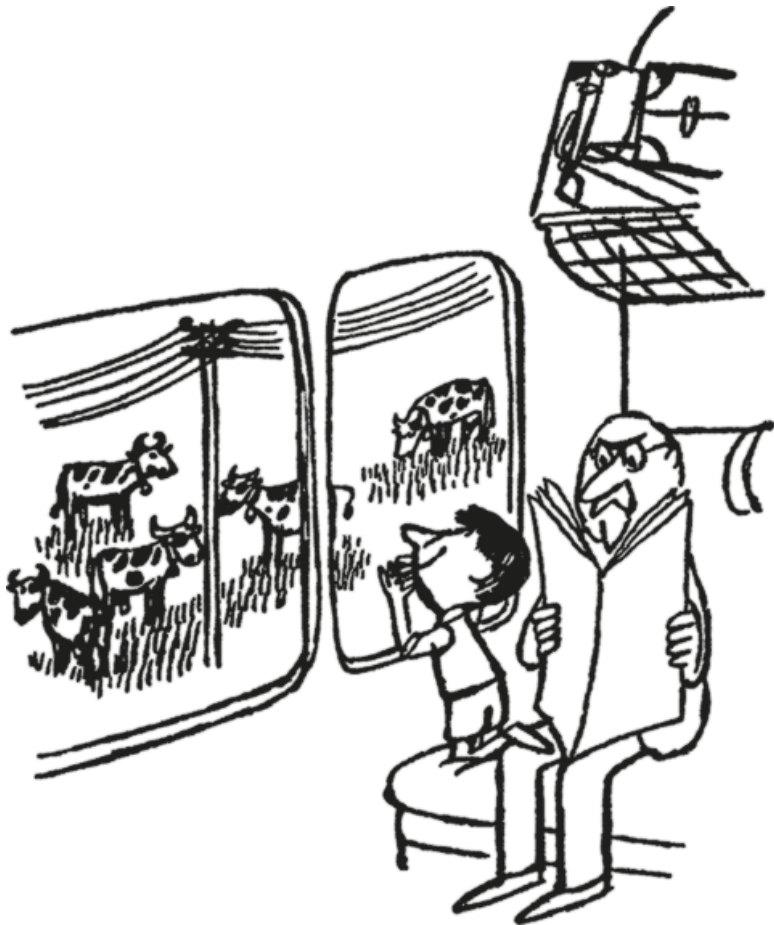
И тут я их увидел! Коров было так много!

– Мам, смотри! – закричал я. – Коровы!

– Николя! – сказала мама. – Ты уронил банан на брюки месье! Надо быть внимательнее!

– Ничего, – сказал старый господин.

Он, наверное, читает очень медленно, потому что с самого отъезда ни разу не перевернул страницу. Банан пропал – ну, вообще-то там только кусочек оставался, – и я принялся за яйцо. Я кидал скорлупу на своё сиденье, и старый господин отодвинулся. Это он здорово придумал – так мне будет удобнее!

Ехать на поезде сначала весело, но потом становится скучно, особенно из-за проводов – они то спускаются, то подни-

маются, и если всё время на них смотреть, то глазам становится плохо. Я спросил маму, скоро ли мы приедем, а она сказала, что нет и чтобы я ложился баиньки. Но спать мне не хотелось, и я решил, что хочу пить.

– Мама, я хочу оранжада, – сказал я.

Там был продавец, в конце коридора.

– Замолчи и спи, – сказала мама.

– Вообще-то, – сказал папа, – я бы тоже чего-нибудь выпил.

Папа попросил прощения у старого господина и пошёл покупать бутылки оранжада. Он ходил два раза, потому что забыл взять соломинки, а без них нельзя делать пузыри в самом конце.

Потом в дверь купе два раза постучали, и контролёр попросил билеты. Папа залез на сиденье, чтобы достать свой плащ. Это мама сказала папе, чтобы он взял плащ, потому что в Бретани иногда бывает дождь, а мы едем в Бретань.

– Спрашивается, зачем всё время дёргать пассажиров, – сказал папа, отдал билеты контролёру и уронил на пол шляпу старого господина.

Мне стало совсем скучно. Снаружи были коровы и трава и больше ничего. Папе, похоже, тоже не было весело.

– Надо было купить журналы, – сказал папа.

– Если бы вышли из дома чуть раньше, то успели бы купить, – сказала мама.

– Это уже перебор! – закричал папа. – Послушать тебя,

так это я забыл удочки!

– Не понимаю, при чём тут удочки! – ответила мама.

– Я хочу журнал с картинками! – закричал я.

– Николая, я тебя просил! – закричал папа.

Я собирался заплакать, и мама спросила, не хочу ли я банан, а старый господин быстро дал мне какой-то журнал. Журнал был классный, на обложке – мужчина в форме, с кучей медалей, а ещё женщина с кучей украшений в волосах; кажется, они собирались пожениться, и это будет круто!

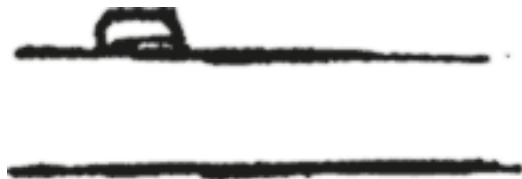
– Что надо сказать? – спросила меня мама.

– Спасибо, месье, – сказал я.

– Когда прочтёшь, дай мне, – сказал папа.

Старый господин посмотрел на папу и дал ему ещё один журнал.

– Спасибо, месье, – сказал папа.

Старый господин закрыл глаза: наверное, он хотел спать. Но иногда он открывал их, потому что папа выходил в коридор, чтобы выкурить сигарету, а потом, чтобы спросить контролёра, прибываем ли мы точно в 18:16, и ещё раз, чтобы узнать у продавца оранжада, нет ли у него бутербродов с ветчиной, но оказалось, остались только с сыром. А я несколько раз ходил в конец вагона, а потом разбудил старого господина, чтобы отдать ему журнал, и папа отругал меня за то, что кусок сыра прилип к обложке, прямо на галстук мужчины, который хотел жениться на даме с украшениями.

А потом контролёр закричал:

– Плогестек, стоянка десять минут, пересадка на Сен-Пор-ле-Бато!

Тогда старый господин встал, взял свои журналы, чемодан, который лежал под нашим коричневым кофром, и ушёл; он был очень смешной в своей помятой шляпе.

– Уф! – сказал папа. – Наконец-то можно ехать спокойно! Попадают же в дороге такие нахалы! Ты видела, сколько места занимал этот старикан?

Поездка в Испанию

Месье Бонгрэн пригласил нас сегодня на чай. Месье Бон-

грэн – бухгалтер на папиной работе. У него есть жена (её зовут мадам Бонгрэн) и сын по имени Корантэн, он моего возраста, классный парень. Когда мы с мамой и папой пришли, месье Бонгрэн сказал, что у него для нас есть сюрприз, только это после чая. Он хотел показать нам цветные снимки, которые сделал в Испании во время отпуска.

– Только вчера получил, – сказал месье Бонгрэн. – Они их довольно долго проявляют. Это позитивная плёнка, снимки можно проецировать на экран, и почти все получились, вы увидите.

Я был рад, потому что посмотреть фотографии на экране прикольно, хотя и не так прикольно, как фильмы (как-то вечером мы с папой смотрели один, с ковбоями).

За чаем было здорово; там было полно пирожных, и я съел одно с клубникой, одно с ананасом, одно с миндалём, одно с шоколадом, а с вишней не сумел, потому что мама сказала, что, если я не остановлюсь, мне будет плохо. Я удивился, потому что от вишни мне почти никогда не бывает плохо.

После чая месье Бонгрэн принёс аппарат, который показывает фотографии, и экран, как для кино; он блестел и был очень классный. Месье Бонгрэн закрыл занавески, чтобы стало темно, и я помог Корантэну поставить перед экраном стулья.

Потом все сели, только месье Бонгрэн остался стоять за аппаратом с коробками, в которых было полно снимков; свет погасили, и началось.

Первый снимок был очень яркий и красивый; мы увидели машину месье Бонгрэна с половиной мадам Бонгрэн.

– Это самый первый кадр, – объяснил месье Бонгрэн, – я его сделал в день отъезда. Скадрировано не очень хорошо, я тогда немного нервничал. Но, наверное, об этом не стоит говорить.

– Наоборот, стоит, – сказала мадам Бонгрэн. – Я никогда не забуду этот отъезд! Вы бы видели Эктора! Он был в таком состоянии, что кричал на всех вокруг! Особенно досталось Корантэну, потому что он, видите ли, нас задерживал!

– Но ты же помнишь, – сказал месье Бонгрэн, – что он ухитрился потерять свои туфли, и из-за него мы рисковали к вечеру не доехать до Перпиньяна и, таким образом, выбиться из запланированного графика.

– Главное, – сказала мадам Бонгрэн, – что я смотрю на эту фотографию и помню всё, как вчера... Это было невероятно! Вы только вообразите...

– Нет, дай лучше я расскажу! – закричал, смеясь, месье Бонгрэн.

И он рассказал, как, несмотря на слёзы Корантэна и недовольство мадам Бонгрэн, он мчался как сумасшедший, не обращая внимания на другие машины. И вдруг справа выехал грузовик, и месье Бонгрэн едва успел затормозить, но одно крыло всё равно помялось.

– Шофёр грузовика так ругался, – сказал месье Бонгрэн, – что все жители вышли из своих домов посмотреть, в чём там

дело!

Когда все перестали смеяться, месье Бонгрэн показал снимок ресторана.

– Запомните этот ресторан, – сказал месье Бонгрэн, – и не вздумайте в него ходить! Там воняет! Да ещё эти выстрелы из ружья!..

– Представляете, – сказала мадам Бонгрэн, – цыплёнок был не дожарен! И не очень юн к тому же! Что и говорить, наш первый по графику обед удался! Кошмар!

Потом мы увидели что-то вроде облака.

– А, – сказал месье Бонгрэн, – это меня Корантэн сфотографировал. А ведь я ему говорил не дёргать камеру!

– Просто ты кричал на него, когда он нажимал кнопку, – сказала мадам Бонгрэн, – вот он и вздрогнул от испуга.

– Ты понимаешь? – спросил месье Бонгрэн папу. – Мы поехали дальше, Корантэн ревел белугой, а Клэр так на меня смотрела... Как сейчас помню...

Потом была большая фотография с лицом смеющегося Корантэна.

– Это я снимала, – сказала мадам Бонгрэн, – пока Эктор менял колесо. Это был наш первый прокол.

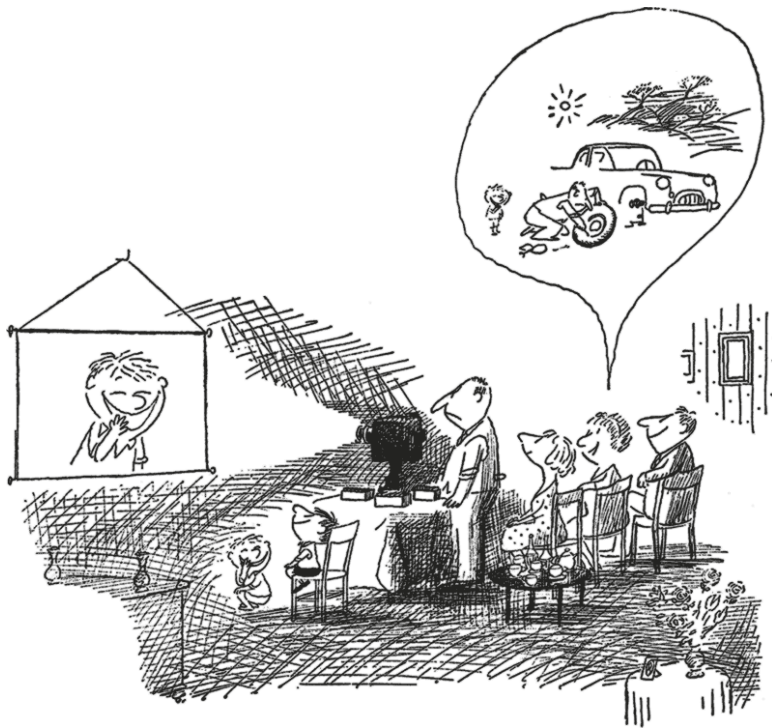
Месье Бонгрэн вставил снимок, на котором была гостиница. Оказалось, что это отель в Перпиньяне, в котором нельзя останавливаться, потому что он совсем плохой. Это не та гостиница, в которой месье Бонгрэн хотел остановиться по графику, но из-за мадам Бонгрэн, Корантэна и прокола они

приехали в Перпиньян поздно, и в хороших отелях мест не было.

Потом он показал дорогу с кучей ям.

– А это, старина, – сказал месье Бонгрэн папе, – шоссе в Испании. Это невероятно; мы привыкли жаловаться на Францию, но, когда приезжаешь туда, оказывается, у нас всё не так уж и плохо. И самое удивительное, когда им об этом говоришь, они сердятся. А между тем шину пришлось менять трижды!

Снова был снимок смеющегося Корантэна.

Вдруг экран посинел, и месье Бонгрэн объяснил, что это испанское небо и что оно всё время было таким, без единого облачка, просто потрясающе!

– Так потрясающе, что сейчас я его увидела и сразу захотела пить! Стояла такая жара!.. А в машине было просто как в печке!

– Думаю, – сказал месье Бонгрэн, – лучше не вспоминать.

Пусть это останется между нами.

И месье Бонгрэн объяснил нам, что мадам Бонгрэн и её сын были невыносимы, они всё время просили остановиться, чтобы выпить чего-нибудь, и, если бы он каждый раз их слушал, они ещё не вернулись бы из Испании.

– Ну и что, – сказала мадам Бонгрэн. – Стоило так гнать, если через десять километров от того места, где сделан этот снимок, машина сломалась, а механик приехал только вечером.

И месье Бонгрэн показал снимок смеющегося механика.

Потом была куча фотографий одного пляжа, куда не стоит ходить, потому что там полно народа, и месье Бонгрэн там сгорел на солнце так, что пришлось обращаться к доктору, и мы увидели снимок смеющегося доктора, а потом был ещё один ресторан, где мадам Бонгрэн стошнило из-за растительного масла, и дальше дорога с кучей машин.

– Вот кошмар! – сказал месье Бонгрэн. – Это на обратном пути. Видите, сколько машин? И так было до самой границы! В результате, когда мы добрались до Перпиньяна, места нашлись только в самой паршивой гостинице! И всё по вине этого маленького болвана! Я-то хотел выехать пораньше, чтобы не попасть в пробку!

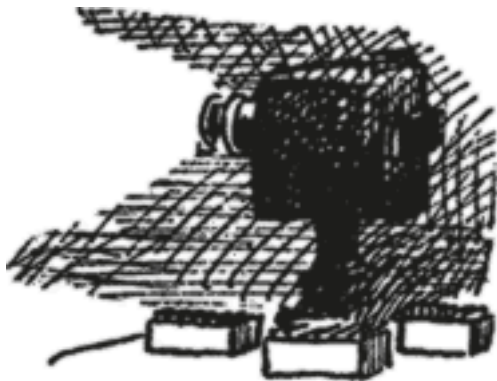
– Я не виноват! – сказал Корантэн.

– Не начинай всё снова, Корантэн! – закричал месье Бонгрэн. – Ты хочешь, чтобы я тебя при твоём друге Николя отправил в комнату? Как тогда в Аликанте?

– Знаете, уже поздно, – сказала мама. – Завтра в школу, и нам пора собираться.

Месье Бонгрэн пошёл провожать нас до двери и спросил, нет ли у нас снимков с отдыха. Папа ответил, что нет, что об этом никогда не думал.

– Вы неправы, – сказала мадам Бонгрэн. – Они помогают сохранить такие прекрасные воспоминания!

Кроссворд

Я люблю, когда в воскресенье идёт дождь и мы с папой и мамой остаёмся дома, но только если можно повеселиться, а если нет, я скучаю, капризничаю, и получаются всякие истории.

Мы сидели в гостиной; на улице шёл жуткий дождь, папа читал газету, мама шила, часы делали «тик-так», а я смотрел иллюстрированный журнал с классными историями про бандитов, ковбоев, лётчиков, пиратов, – в общем, отпад! А потом журнал закончился, и я спросил:

– А что мне теперь делать?

Никто не ответил, и я повторил:

– Так что мне теперь делать, а? Что мне делать? Что мне делать?

– Николая, перестань! – сказала мама.

Тогда я сказал, что это нечестно, что мне нечего делать, что мне скучно, что никто меня не любит, что я уйду, и они обо мне пожалеют, и стал топтать ногами по ковру.

– Николая! – закричал папа. – Не начинай! Читай свой журнал, что тебе ещё надо?

– Но я уже всё прочитал! – сказал я.

– Возьми другой! – сказал папа.

– Не могу, – объяснил я. – Я поменял свои старые журналы на шары Жоакима.

– Ну так поиграй в шары, – сказал папа. – У себя в комнате.

– У меня их нет, – сказал я. – Мексан – подлый жулик, он у меня их выиграл в школе.

Папа провёл рукой по лицу, а потом стал смотреть мой журнал, который валялся на ковре.

– Смотри-ка, – сказал папа, – тут ведь есть кроссворд! Это отлично! Реши кроссворд, это и интересно, и полезно.

– Я не умею решать кроссворд, – сказал я.

– Вот и отлично, научись, – сказал папа. – Я тебе помогу. Это очень просто: читаешь определение, считаешь количество клеточек, то есть букв, и вписываешь подходящее слово. Принеси карандаш.

И я побежал за карандашом, а когда вернулся, папа говорил маме:

– Чего не сделаешь ради покоя в доме!

И они оба засмеялись. Тогда и я стал смеяться. Когда в

воскресенье мы остаёмся дома втроём, то отлично понимаем друг друга, и это у нас в семье самое классное. Мы посмеялись, я лёг на ковре, перед папиным креслом, и начал решать кроссворд.

– Император Франции, – прочитал я, – потерпевший поражение при Ватерлоо, восемь букв.

– Наполеон, – сказал папа улыбаясь.

– Столица Франции, – сказал я, – пять букв.

– Париж, – сказал папа.

Он засмеялся. Наверное, классно всё знать, как папа! Жалко, что ему это ни к чему, потому что он не ходит в школу. А если бы ходил, первым в классе стал бы он, а не этот дурацкий учительский любимчик Аньян. Вот было бы хорошо! А ещё если бы папа сидел на уроках, то учительница побоялась бы меня наказывать.

– Домашнее животное, – сказал я. – У него есть когти и оно мяукает, пять букв.

– Кошка, – сказал папа; он положил книгу себе на колени, и было видно, что ему весело не меньше, чем мне.

Он просто отпад!

– Вид живокости, произрастающий на юге Франции. Десять букв, – сказал я.

Папа не стал сразу отвечать. Он почесал голову, подумал, а потом сказал, что это крутится у него на языке и что потом само всплывёт, и попросил читать дальше.

– Семейство двудольных спайнолепестных растений, пятнадцать букв, – сказал я.

Папа снова взял свою газету и сказал:

– Ладно, Николая, теперь немного поиграй сам. Дай мне спокойно почитать.

Но я сказал, что не хочу играть один; тогда папа закричал, что ему нужен покой в доме, что если мне не хочется быть наказанным, то я буду сидеть тихо и что я никогда не стану образованным, если кроссворды за меня будут решать дру-

гие. Вид у папы был очень сердитый, и я понял, что не время капризничать, тем более до еды, потому что мама приготовила отпадный яблочный пирог.

И я стал сам решать кроссворд. Сначала у меня получалось и слова были простые; южноафриканская антилопа из трёх букв – это, конечно, бык; про судно я догадался, что это лодка, только вот странно: когда они составляли кроссворд, то зачем-то понаставили кучу лишних клеточек. Тогда я стал писать крупнее, и стало выходить хорошо. Искусственный водоём – ясное дело, водохранилище, но клеточек было всего четыре, и у меня поместилось только «водо», ну и ладно. А потом снова пошли трудные слова, и я опять спросил папу:

– Животное с ценным коричневым или почти чёрным мехом, шесть букв?

Папа стукнул книгой по своим коленям и посмотрел на меня большими глазами.

– Николая, – сказал папа, – по-моему, я уже тебе...

– Соболь, – сказала мама.

Папа так и остался с открытым ртом; он повернулся к маме, которая продолжала шить, потом закрыл рот, но вид у него был недовольный.

– Мне кажется, – сказал папа маме, – нам надо договориться о методах воспитания ребёнка.

– В чём дело? – удивлённо спросила мама. – Что я не так сделала?

– По-моему, – сказал папа, – будет лучше, если малыш решит этот кроссворд сам. Вот и всё.

– А по-моему, – сказала мама, – ты слишком серьёзно относишься к этим кроссвордам! Я всего лишь решила помочь ребёнку. Не вижу в этом ничего плохого!

– Если даже ты случайно знаешь название животного с ценным мехом...

– Разумеется, я могу его знать только случайно, – сказала мама со смешком; она всегда так делает, когда сердится. – Ведь со дня нашей свадьбы мне никто не дарил мехов и экспертом я стать не могла.

Тогда папа встал и сказал, что отлично, чудесно, что вот вся благодарность ему – ему, который работает не покладая рук и из кожи вон лезет, чтобы мы ни в чём не нуждались, а взамен он даже не может рассчитывать на покой в доме. А мама сказала, что её мама была права, и меня отправили

решать кроссворд у себя в комнате.

Только я успел закрасить чёрным лишние клеточки в своём кроссворде, как мама позвала меня есть.

За столом никто не разговаривал, а когда я захотел что-то сказать, мама велела мне есть молча. А жаль, потому что мне так хотелось показать родителям, как я решил кроссворд.

А знаете, с этими кроссвордами и правда очень много можно узнать! Например, вам известно, что «фывямс» – это распространённое домашнее животное, которое мычит и даёт молоко?

Степеньство
двудомных
спайноцветных
растений,
пятнадцать
букв?

Следопыты

Руфюс рассказал нам, что виделся со своим кузенком Никезом, бойскаутом, и что Никез показал ему отпадные игры, которым бойскауты научились у краснокожих.

– А что, краснокожие учат бойскаутов играм? – спросил Жоффруа.

– Конечно, – сказал Руфюс. – Поэтому бойскауты умеют делать кучу полезных вещей: тереть камни или деревяшки,

чтобы зажигать огонь, а ещё читать следы, чтобы освободить пленников.

– Что значит «читать следы»? – спросил Клотер.

– Ну понимаете, – объяснил Руфюс, – краснокожие оставляют знаки из камней, веток, перьев, и получается как дорога, если ты знаешь эти знаки, а это полезно для любой банды. Если мы воюем с врагами и кто-то попал в плен, он может оставить для нас знаки, и мы пойдём за ним, нас никто не видит, а мы – бац! – и освобождаем пленника.

Мы решили, что это классно, потому что мы любим полезные игры. И Руфюс предложил собраться завтра, в четверг, в нашем сквере.

– А почему не на пустыре? – спросил Жоаким. – На пустыре было бы спокойнее.

– Он слишком маленький, – сказал Руфюс, – и пленник найдётся очень быстро. А потом, ты когда-нибудь видел, чтобы краснокожие читали следы на пустыре?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.